

Красота в ИСПОЛЬЗОВАНИИ

О вещах, которые мы храним, и о жизни, которую им позволяем.

Обозрение издательства · Студийный выпуск

Оригинальные студийные тексты, созданные для этого сайта. Это творческие концепции, а не фрагменты рукописей Ori Peretz и не высказывания, приписанные внешним участникам.

Файл создан (UTC): 2026-09-08T06:53:44Z

Это дата создания файла, а не дата публикации книги.

Книгой можно любоваться с другого конца комнаты. А можно взять её в поздний поезд, открыть рядом с тарелкой супа или одолжить тому, кто вернёт её с иным пониманием финала. Это разные встречи с одним и тем же предметом. Первый студийный выпуск спрашивает, ради чего мы хотим сберечь красивую вещь.

Вопрос возникает в ремонтной мастерской. Лампу убрали из общественного зала, который она освещала, и реставратору предстоит решить, что сохранит бережный ремонт. Затем два эссе отстаивают противоположные позиции: одно — за принятие следов использования, другое — за сохранение некоторых вещей вне оборота. Ни одно эссе не выражает мнение приглашённого автора. Оба — оригинальные студийные аргументы, написанные так, чтобы разногласие стоило обдумать.

Прочитайте сначала рассказ или начните с позиции, которую вам труднее принять. Карманное издание содержит полный рассказ; выпуск включает это вступление и оба контрапункта. Эта вымышленная история не служит основанием для заявлений о готовой книге, реальном учреждении или историческом событии.

Свет для нижней комнаты

Оригинальные студийные тексты, созданные для этого сайта. Это творческие концепции, а не фрагменты рукописей Ori Peretz и не высказывания, приписанные внешним участникам.

Лампа прибыла в ящике в человеческий рост. Nera помогла водителю протиснуть его в дверь мастерской, а потом стояла и смотрела, как он собирает щепки у порога. Под соломой лежали бронзовая стойка, три изогнутых рожка и абажур из узких кусочков янтарного стекла. Кто-то привязал к её шейке бирку с номером. Шнур был новым; лампа была старой уже очень давно.

Аукционный дом хотел получить её к пятнице. Почистить металл, заменить повреждённое стекло, убрать с основания остатки бумажного объявления. В листе инструкций она значилась как декоративная лампа из муниципального интерьера. Nera знала этот зал. Она занималась там зимой, когда в её квартире перестало работать отопление. Перед закрытием смотритель обходил столы с деревянной линейкой и один раз стучал ею рядом с книгой каждого читателя.

Читальный зал закрылся в марте. Доска поперёк дверей обещала улучшения, не называя ни одного. Сквозь щель Nera видела длинные столы, сложенные набок. Теперь одна из ламп лежала на её верстаке. Без окружающего зала предмет казался почти неловко вычурным. Вверх по стойке поднимались лавровые листья. Под абажуром прятался маленький бронзовый мотылёк, незаметный стоящему человеку. Она месяцами сидела под ним и не знала.

Разбитое стекло было сзади. От винта тянулась тонкая ветка трещин, удерживаемых плёнкой пожелтевшего клея. Вставку под ней сделали из обычного оконного стекла. На верстаке она выглядела грубо. Но когда она поместила под абажур свет, этот маленький прозрачный участок отбросил на дерево чёткий прямоугольник. Янтарные кусочки смягчали всё остальное. Кто-то починил лампу для чтения так, чтобы читатель мог видеть.

Nera просунула влажную тряпку под бумагу на основании. Почти всё объявление сошло серой кашицей. Остались четыре слова: ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ ИМЕННО ЭТУ. Она вспомнила стол возле лестницы, где пожилой мужчина раскладывал чертежи кораблей. Он носил лупу на ленте. Когда смотритель переставлял мебель, мужчина приходил пораньше и передвигал свой стул обратно под ту же лампу. Его имени она не помнила.

В полдень позвонили из аукционного дома. Нашла ли она подходящее стекло? Нашла близкое по оттенку. Можно ли сделать ремонт незаметным? Это займёт больше времени. Женщина в трубке сказала, что покупатель ожидает увидеть лампу целой. «Она целая», — сказала Nera, глядя на яркий прямоугольник. Женщина ждала. Nera услышала, как мало пользы в её ответе, и пообещала прислать фотографии. После звонка она положила новое янтарное стекло рядом с прозрачной вставкой.

Она сфотографировала абажур при дневном свете и с зажжённой лампой. Потом бронзового мотылька, потёртый выключатель и остатки объявления. Для последнего снимка она положила раскрытую книгу под прозрачную вставку. Фотографии она отправила с двумя

вариантами ремонта и отдельной ценой для каждого. Один вернул бы абажуру ровный янтарный цвет. Другой сохранил бы прозрачное окошко и укрепил стекло вокруг него. Она ожидала, что выберут первый.

На следующий день после полудня в мастерскую пришла женщина в потемневшем от дождя пальто. Она увидела фотографии ещё до того, как каталог ушёл в печать. «На обычный стол её можно поставить?» — спросила она. Nera измерила основание. «На прочный». Женщина оглядела мастерскую, потом абажур. Сказала, что её зовут Davin и что она купила старую пекарню на Колокольной улице. Наверху будет её квартира. Что делать с нижней комнатой, она ещё не решила.

Nera представила ещё одну безупречную лавку: предметы далеко друг от друга, цены очень мелким почерком. Davin сняла мокрые перчатки. Ей нужен был стол для тех, кто ждёт, пока она чинит их одежду. Иногда они приходили с детьми. Иногда оставались и после окончания работы, потому что спешить было некуда. Сосед предложил книги, хотя она боялась сырости. «Я подумала, хороший свет мог бы сделать это место комнатой», — сказала она.

«Вы знаете, что её переделывали?» — спросила Nera. Davin кивнула на простое стекло. «Эта часть мне и понравилась». Она подставила руку под абажур и медленно повернула его, пока прозрачная вставка не оказалась напротив стула. Свет выявил на ладони женщины ряд крошечных проколов рядом с ногтем большого пальца. У Nera были такие же следы от шитья капталов, когда мастерская ещё принимала переплётные заказы. Она достала вторую смету.

Аукцион состоялся в четверг. Ставку Davin дважды перебили, и она оставалась на линии дольше, чем собиралась. На следующее утро она вернулась без квитанции за лампу. «Слишком дорого», — сказала она. Nera почувствовала себя глупо: она уже успела вообразить всю нижнюю комнату. Вместе они посмотрели на простой железный рабочий светильник над верстаком. Он продавался, хотя Nera никогда не прикрепляла к нему ценник. Davin спросила, осветит ли он стол. Nera включила его.

Покупатель бронзовой лампы выбрал ровный янтарный цвет. Nera сняла прозрачную вставку, завернула в тонкую бумагу и приложила к готовой работе вместе с запиской о том, где та стояла. Контур бумажного объявления она сохранила в отчёте о состоянии. К четырём ящик был закрыт. Без железного светильника мастерская казалась меньше. До следующего вторника она работала под голой лампочкой.

Во вторник вечером она пошла на Колокольную улицу с маленькой коробкой книг. Витрину старой пекарни вымыли, но нарисованные буквы над дверью остались. Внутри мальчик решал арифметические задачи под железной лампой. Две женщины раскладывали пуговицы по блюдцам. Davin нашла стол с одной короткой ножкой и подложила под неё сложенный квадрат картона. Она подняла глаза от пальто и попросила Nera подержать рукав.

Некоторое время они работали молча. Мальчик отодвинул тетрадь, освобождая место коробке. Nera думала о бронзовом мотыльке, который едет туда, где ей не побывать, и о прозрачном стекле, упакованном вместе с ним. Она надеялась, что записку прочтут. Потом Davin чуть повернула лампу, высветив разорванный шов. Nera вдела нитку в иглу. Снаружи последний свет уходил с букв пекарни. Внутри света хватало.

Конец.

Пусть книгой пользуются

В пользу обращения

Представьте издание, которое владелец боится открыть. Переплётом любуются, футляр берегут от перекосов, углы остаются острыми. Проходят годы. Предмет сохранился, но опыт, ради которого он создавался, откладывали так старательно, что он может никогда не состояться. Для обычного издания для чтения это странный вид успеха.

Красивая книга должна побуждать к вниманию. Хорошие пропорции могут сделать страницу менее утомительной для чтения. Иллюстрация способна удержать читателя в трудный момент. Обложка может заставить взять в руки произведение, которое иначе осталось бы незамеченным. Эти решения оправдывают себя во встрече с человеком. Считать каждый след такой встречи повреждением — значит путать сохранение предмета с сохранением его назначения.

Это не разрешение на небрежность. Одолжите книгу тому, кто её вернёт. Держите бумагу подальше от мокрого окна. Почините расшатанный шарнир, прежде чем оторвётся крышка переплёта. Забота позволяет пользоваться вещью дальше. Сопротивления заслуживает идея, будто уважать можно только нетронутый экземпляр. Карандашный вопрос может свидетельствовать о большем внимании, чем запечатанная обёртка когда-либо сможет.

Более трудный случай — редкость. Некоторые экземпляры несут незаменимую информацию: помету, определённое состояние текста, вмешательство мастера. Им нужен иной стандарт заботы. Но редкость следует устанавливать, а не разыгрывать. Издатель не обязан создавать страх использования вокруг каждого привлекательного издания. Он может честно сделать предмет, объяснить его материалы и позволить читателю в нём обжиться.

В рассказе великолепная лампа уезжает в другое место. Комната всё равно возникает под обычным светом. Этот финал важен, потому что хороший опыт не всегда может ждать самого впечатляющего предмета. Сделайте предмет настолько хорошо, насколько того требует произведение. Затем поместите его в пределах досягаемости. Книга, которую открывают, с которой спорят и которую одалживают, начинает жизнь, ради которой соединили её страницы.

Один экземпляр оставить вне оборота

В пользу сдержанности

Приглашение пользоваться красивой вещью звучит щедро, пока пользующийся ею человек не делает необратимый выбор за всех, кто придёт позже. Разглаженный сгиб, снятая этикетка или заменённое стекло могут сделать предмет удобнее в обращении и труднее для понимания. Удовольствие нынешнего владельца — лишь одно из возможных притязаний. Оно не должно автоматически становиться последним словом.

Книга несёт информацию не только в предложениях. Способ сборки тетрадей, цвет под выцветшим корешком и нажим руки прежнего читателя могут раскрывать разные части её истории. Экземпляр для чтения способен сохранить слова, потеряв эти подробности. Поэтому говорить, что предмет выполнил своё назначение, потому что кто-то получил от него удовольствие, — слишком узко. Иногда назначение включает готовность отвечать на вопросы, которые мы ещё не научились задавать.

Сдержанность не требует ставить всё за стекло. Она требует выбирать. Сохраните эталонный экземпляр, если материал того заслуживает. Рядом сделайте удобное издание для чтения. Предложите чёткое изображение или транскрипцию, когда оригинал нельзя безопасно перемещать. Доступ бывает разным, и самый непосредственный его вид не всегда самый щедрый во времени. Сегодняшний читатель не должен уничтожать свидетельство для завтрашнего.

Есть и опасность романтизировать износ. Пятно может свидетельствовать о встрече, но с таким же успехом — о пренебрежении. Карандашная помета бывает ценной, банальной или прямо вводящей в заблуждение. Следы не обретают смысл лишь потому, что стары. Кто-то должен изучить их, описать и смириться с неудобством оставить вопрос нерешённым. Такая медленная работа редко даёт самую убедительную фотографию для продажи.

Полезный поступок Nera — записка, которую она упаковывает вместе с лампой. Выбрать её дальнейший путь она не может. Но может сохранить понятным выброшенный фрагмент и зафиксировать изменение, прежде чем оно скроется из виду. Использование и сохранение не всегда будут согласны. Когда согласия нет, осознанный отказ что-либо менять может стать гостеприимством по отношению к человеку, который ещё не пришёл.